

ВЛАДИМИР НИКОНОВ

РАССКАЗЫ ИЗ ИНДИГИРСКОГО РЮКЗАКА

*Светлой памяти моего
прекрасного сына Артёма*

Лирическое предисловие

Бывает так: внезапно всплывёт в памяти давно забытый эпизод, совершенно будничным, обыкновенным, повседневным.

Блеск речной заводи в вечерних лучах, словно расплавленное серебро.

Быстрый взгляд юной девочки, которая поправила причёску и стрельнула большими глазами – а как, заметили это?

Шумное застолье молодых мужиков, переполненных дерзкой уверенностью в своей силе, а ещё в том – какие бы опасности ни ждали впереди, уж его-то костлявая старуха с косой непременно обойдёт стороной.

Ветки кустарника в зарослях, качающиеся вслед за зверем, самого зверя и увидеть-то не успел, только вот его след, где-то хрустнуло, и ветки шелестят.

Рокот камней в горной реке после дождей, немолчный и непостижимый, как вечный двигатель.

Ослепительное апрельское сияние заснеженных гор, когда поток лучей с ярко-голубого неба сталкивается со своим отражением от склонов, и золотистый свет зависает над вершинами.

Острое ощущение беспричинного счастья, смешанное с таким же острым запахом кожи новенького седла и горячего лошадиного пота, и всего лишь от того, что смотришь на синие цепи далёких гор с безвестного перевала, вознесшись сюда на норовистом и мохнатом якутском “мустанге” и ощутив в своих жилах частицу монгольской крови.

Нескончаемый дождь, стучащий по крыше палатки то звонким барабаном, то бесчисленными крохотными копытцами, дающий сладкую истому отдыха от смертной усталости ежедневных маршрутов.

И вдруг от этой забытой будничности начинает щемить и щепить, потому что всё это вспыхнуло в памяти так ярко, будто было вчера, а было не вчера, а двадцать лет назад, и вспомнишь, что было в тот день и где это было, и над чем так громко и беззаботно смеялись те мужики, и какого цвета глаза той девочки.

И накатывает острое и запоздалое понимание, что сверкающая вода в реке дороже любого серебра, и те жизнерадостные мужики не все разминулись

с костлявой старухой, и как хорошо, что тот зверь ушёл от выстрела, и рокот камней в реке – волнующая прекрасная симфония. И ничего этого не повторится. Даже если произойдёт нечто похожее, всё будет по-другому, потому что сам уже другой.

От этой внезапной грусти очень хочется жить, потому что и сегодняшняя будничность тоже когда-нибудь вернётся в неожиданно ярких снах. И тогда снова остро захочется жить.

РЕКИ И ГОРЫ

В музее Всероссийского геологического института (ВСЕГЕИ), что второе столетие занимает внушительный особняк на Среднем проспекте Васильевского острова Санкт-Петербурга – наследие и наглядное свидетельство имперского величия старой России, – среди минеральных уникалов со всего света стоит диковинный экспонат. Внешне он похож на крыло гигантской стрекозы, длиной в добрую сажень. Это окно из церкви ныне забытого Богом и людьми старинного городка Зашиверск на Индигирке. Более чудесных окон я никогда не видел. В потемневшую изящную раму искусно вживлены тонкие изогнутые прутья ивы – каркас для крепления крупных прозрачных пластин розовато-желтовато-белого мусковита – “московской слюды”, как называли этот минерал в средние века западные европейцы. Ни единой расщелины в этом окне, которому, как и церквушке, которую оно некогда освещало, более трёх веков от роду. В 1927 году его в качестве музейного экспоната привёз в Ленинград из заброшенного города Сергей Владимирович Обручев – сын знаменитого учёного и фантаста, автора “Земли Санникова”.

Когда-то этот обезлюдивший впоследствии городок, построенный ниже грозных индигирских порогов–”шивер”, был оплотом русских владений в здешних краях. В зелёном луговом раздолье близ слияния Момы и Индигирки в добротных домах, частью сохранившихся донныне, до середины XIX века жили служилые люди, охотники на пушного зверя, кузнецы, купцы, учителя, священники, пока чёрная оспа не выкосила оседлое население.

В 60-х годах XX века нашлись люди, кто не поленился разобрать эту церковь, пронумеровать по бревнышку и вывезти под Новосибирск. Цель была благая – в доступном для людей месте собрать церковь вновь как уникальный памятник казачьего деревянного зодчества на Северо-Востоке России. Как это обычно у нас бывает, хотели, как лучше, а получилось, как всегда. На разборку, нумерацию и вывоз сруба за тысячи километров из безлюдной глухомани средства нашлись, а как дело дошло до реставрации церкви, то деньги иссякли. Так и осталась где-то гнить груда старых пронумерованных бревен. Лучше бы уж стояла церковь, где стояла...

Глядя на это музейное окно, достойное освещать, как говорят на Востоке, Дом Бога, помимо восхищения его необычайной красотой, невольно возникает вопрос: а где нашли россияне триста с лишним лет назад столь прекрасную крупную слюду? Неужели везли в такую даль с Маминских слюдяных рудников на Байкале? Не проще ли им было каждую зиму вставлять в оконные проёмы, по примеру якутов и эвенов, ледяные пластины, затёртые по стыкам снегом с водой? Или же они умели искать и находить такие камни лучше нас, нынешних геологов, прямо здесь, на полюсе холода? Находили ведь и мы пластины мусковита в скальных обрывах Индигирки, чуть ниже устья Неры, но не столь крупные.

Однажды я срубил на дрова кривой невысокий ствол горной лиственницы, зацепившейся корнями за расщелину грунта между гигантскими ледниковыми глыбами гранита на правом склоне Индигирской долины, и с сожалением подумал, стоило ли рубить это деревце. Поразила необычайная агатовая тонкость годовых колец на срезе. Сохранив обрезок ствола, на досуге вооружился лупой, насчитал более трёх сотен циклических кольцевых пар и сбился со счёта. Горные деревья растут очень медленно, и выходит, что деревце уже успело приподняться над неласковым мёрзлым грунтом, когда внизу под этим склоном проплыли первые самодельные судёнышки казачьих старшин Михаила Стадучина, Семёна Дежнёва, Ивана Реброва, Федота Попова по пути к ледовитым морям, на Колыму и ещё дальше “встречь солнца”.

После казаков через юго-восточную часть Верхне-Индигирского района в 1786 году прошёл в направлении Верхнеколымской крепости флота капитан

Гаврила Сарычев, оставивший потомкам своё имя в названии мощного горного хребта между Индигиркой и Нерой. В 1823 году в обратном направлении, с Колымы через Оймякон по дороге в Якутск проехали спутники Фёдора Врангеля, мичман Матюшкин и доктор Кибер, а в 1870 году примерно тем же маршрутом – топограф Афанасьев и астроном Нейман, участники экспедиции Майделя. Первым профессиональным геологом, увидевшим Индигирку, был Иван Дементьевич Черский, в 1891 году за полгода до своей смерти от неизлечимого в ту пору туберкулёза проехавший через истоки реки в Верхнеколымск.

В 1926 году Геологический комитет ассигновал средства для экспедиции на Индигирку под руководством С. В. Обручева. Толчком для неё был пузырёк с платиновым песком, принесённый в Якутскую контору Госбанка амнистированным белым офицером Николаевым. Кое-что из его показаний показалось похожим на правду. У Индигирки в её самой труднодоступной высокогорной части и впрямь есть большой левый приток Чигагалах, откуда якобы происходит эта платина. По словам поручика, скитаясь в верховьях этой реки после разгрома под Якутском отряда генерала Пепеляева, он увидел цепочку конусовидных гор. Здесь местный старый ламут (эвен) Никульчан показал своему русскому спутнику намытую им платину и продал шесть золотников (примерно 25 граммов) за табак, а затем и привёл к обрыву террасы на одном из мелких ручьёв – источнику платины. Для пробы Николаев со стариком промыли двести лотков (примерно 3–4 кубометра) галечника с террасы и добыли таким образом два золотника (старинная русская мера веса драгоценных металлов, 4,125 грамма – очень приличное содержание для платины!). Потом поручик ещё купил некоторое количество драгоценного песка у эвенов.

Маршрутный дневник С. В. Обручева за 1926 год стоит прочитать как приключенческий роман. “Из всех рек, которые мне приходилось проплывать, Индигирка самая мрачная по своей мощи и стремительности”. На исследователя произвели неизгладимое впечатление летние снежные шапки гор, необыкновенно быстрые подъёмы воды во время паводков, когда река вздувается на глазах, рёв и шипение бешеного потока, с силой бьющего в грозные скальные утёсы, гребни валов на шиверах – перекатах реки через скопления крупных, словно ядра Царь-пушки, гранитных валунов, громадные террасы высотой до 400–500 метров. Всё это шло вразрез с существовавшими тогда смутными представлениями о рельефе этого края.

Наконец сплав по реке в утлой лодчонке преградила гигантская зубчатая цепь гранитов. Там, где Индигирка с грохотом и кипением втиснулась в 75-километровую расщелину отвесных красно-серых склонов, геолог решил не рисковать. Он пошёл на Чигагалах в обход на лошадях, мимо сверкающих на солнце ледников гранитного пика Чён, через прекрасные зелёные луга в верховьях Иньяли, затем – глубокое мрачное ущелье реки Мюреле. В этом семидесятикилометровом каньоне между снежными вершинами гор ему пришлось испытать смесь благоговейного страха и восхищения перед пенящимися потоками зелёной воды, водопадами сбрасываемой со скальных склонов, грохочущей в узких расщелинах среди гигантских светлых глыб.

Добравшись с неимоверным трудом в заветную Чигагалахскую долину уже в середине сентября – начале зимы в индигирских горах, – С. В. Обручев успел промыть в облюбованном им месте замерзающей реки три тонны галечников и не нашёл ни одной крупинки “белого золота”. В конце концов, он решил, что поручик его обманул, выдав намытую где-нибудь на Вилюе платину за индигирскую. Не держал, впрочем, особого зла на офицера – ведь иначе не попасть бы ему в эти удивительные неизведанные края. Дожив до декабря в Оймяконе, приведя в порядок записи тяжелейшего маршрута, выменяв на своих лошадей меховую одежду, проведя астрономические определения координат, он на купленных здесь оленях двинулся в обратный путь – в шестидесятиградусный мороз, находя ещё силы для геологических наблюдений.

Последующие геологические экспедиции вместо платины открыли на Верхней Индигирке сказочно богатый жёлтый металл и про платину больше не вспоминали. К слову сказать, при проведении геологических съёмок на рубеже 1970-х и 1980-х годов в бассейне Чигагалаха открыт крупный массив ультраосновных магматических пород – теоретически материнских для платины, по составу очень похожих на уральские, корякские, колумбийские горные породы, питающие промышленные россыпи белого металла. Конечно, можно утешить себя: не везде, мол, Бог положил, а вдруг всё иначе: нарисованная

от руки беглым офицером карта с профилями гор, ёлочками и крестиками оказалась слишком неточной, и Обручеву просто не повезло обнаружить место действительной находки.

Можно вспомнить про повышенные концентрации платины, обнаруженные в 1990 году в моих собственных пробах в верховьях реки Момы в подобных ультраосновных породах, и открытие в тот же год опытным геологом из Якутска Александром Васильевичем Коробициным весовых крупинок родия в шлихах в одном из ручьёв Желканской впадины, что в верховьях Неры. Так что платиновые металлы на Индигирке вполне возможны, и если их когда-нибудь найдут, то было бы справедливым назвать месторождение в честь поручика Николаева. Или, может быть, звена Никульчана, приведшего поручика к террасе безвестного ручья, где можно намывать платину на простейшем промывочном приборе – дощатой “проходнушке”, выставив сукном её днище для лучшего улова драгоценных крупинок.

Уважаемые читатели!

Материалы разделов «Проза», «Очерк и публицистика», «Критика» и некоторые другие размещаются на сайте фрагментарно. Интересующий вас текст или номер журнала в формате pdf можно заказать в редакции. Файлы будут высланы на ваш электронный адрес.

Переведите удобным вам способом 100 руб. на счет «Нашего современника» (ИНН 7702042678, р/с 40703810638090101374, БИК 044525225) и затем пришлите заявку на n-sovrem@yandex.ru, указав желаемый материал (номер) и свои имя-фамилию для идентификации платежа.

Для транзакции через мобильный банк выберите «Платеж по реквизитам» и далее следуйте подсказкам. В поле «Назначение платежа» достаточно вписать номер журнала, например: 4/2021 пдф.